Российская Академия Наук
Отделение историко-филологических наук

ИМЕНОСЛОВ / ИМЯ
Филология имени собственного

Редакционная коллегия серии:
Вяч.Вс. Иванов, А.Ф. Литвина (отв.секретарь),
Т.М. Николаева, Ф.Б. Успенский

ТРУДЫ ЦЕНТРА СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

~ II ~

Университет Дмитрия Пожарского
Москва 2012

Институт славяноведения РАН
Университет Дмитрия Пожарского

ИМЕНОСЛОВ • ИСТОРИЯ ЯЗЫКА • ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Ответственный редактор Ф.Б. Успенский

Университет Дмитрия Пожарского
Москва 2012

Книга 1.indb 3 06.02.2012 16:04:44

УДК 29
ББК 82.3

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского, 2012 год

Ответственный редактор
Ф.Б. Успенский

ИМЕНОСЛОВ. ИСТОРИЯ ЯЗЫКА. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 402 с.

ISBN 978-5-91244-066-3

Очередной сборник Центра славяно-германских исследований составлен по следам ежегодных круглых столов «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе» и ряда докладов, обсуждавшихся на семинаре Центра. Первоначально семинар, как и круглые столы, были посвящены по преимуществу исторической семантике германских и древнерусских имен собственных. Позднее на заседаниях стали звучать доклады о средневековой агиографии, связанной с выбором имени, о древних прозвищах, о текстовых формулах и обряде заключении договоров, об этиологических легендах в средневековой историографии и о многом другом. Иными словами, история имени оказалась исключительно удобным трамплином для исследования культуры Средних веков и раннего Нового времени, исследования же историко-культурной проблематики были невозможны без привлечения собственно лингвистических данных, а также перевода и публикации источников. Это сложное переплетение и расширение тем отразилось в книге, предлагаемой вниманию читателей.

© Коллектив авторов, 2012
© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012
© Институт славяноведения РАН, 2012
© Белоусова А.В., верстка, 2012

ISBN 978-5-91244-066-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИМЕНОСЛОВ

Anatoly Liberman

THE THEONYM WODAN ~ WUOTAN ~ ÓÐINN 7

Б.А. Успенский

ИЗ ИСТОРИИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ: ЗАПРЕТ НА ПОВТОРЕНИЕ ИМЕНИ ОТЦА ПРИ НАИМЕНОВАНИИ РЕБЕНКА 26

И.А. Кравченко

НАРЕЧЕНИЕ ХРИСТИАНСКИМ ИМЕНЕМ В ИСЛАНДИИ XI-XIV вв. 34

А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский

КНУТ ЛАВАРД, ПРИНЦ ДАТСКИЙ 55

Д.Г. Полонский

САМОУНИЧИЖИТЕЛЬНАЯ МОДИФИКАЦИЯ ИМЕН «ИНОЗЕМЦЕВ» ПОД ПЕРОМ РУССКИХ ПРИКАЗНЫХ КОНЦА XVI-XVII вв. 81

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА • ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Е.А. Мельникова

ЗАЛОЖНИКИ И КЛЯТВЫ: ПРОЦЕДУРА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ С НОРМАННАМИ 113

Д.С. Николаев

ЛЕГЕНДА О ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ И ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 184

Герлинда Нимейер

ПРОИСХОЖДЕНИЕ «ЖИТИЯ СВ. ВИЛЛЕХАДА» (перевод с немецкого М.М. Сокольской, общая редакция В.В. Рыбакова) . . . 200

С.Ю. Темчин

«СЕ НЕСТЬ УБИЙСТВО, НО СЫРОРЕЗАНИЕ»: АГИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ВИФЛЕЕМСКИХ МЛАДЕНЦЕВ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА БОРИСОГЛЕБСКОГО КУЛЬТА 216

С.М. Михеев

КОГДА БЫЛ ПОСТРОЕН СОФИЙСКИЙ СОБОР В КИЕВЕ? 231

Ю.К. Кузьменко

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НА ДЕРЕВЯННОМ СТЕРЖНЕ ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ 244

О. Тимофеева

АБСОЛЮТНЫЕ ПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОЗДНЕДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ БИБЛИИ. 277

А.А. Королев

«СЛОВНО ЛУЧИСТОЕ СИЯЮЩЕЕ ВИДЕНИЕ»:
ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ ОБ ИРЛАНДСКОЙ МИССИИ В ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ. . . . 293

Н.А. Ганина

ОЦЕНКА ФАЛЬСИФИКАЦИИ:
О СТАТУСЕ «ЗАПИСКИ ГОТСКОГО ТОПАРХА»
В КОРПУСЕ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ КРЫМСКИХ ГОТОВ 331

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

ЖИТИЕ СВЯТОГО РИМБЕРТА
Предисловие, перевод и примечания В.В. Рыбакова. 353

ПРЯДЬ ОБ ЭЙНДРИДИ И ЭРЛИНГЕ
Перевод, комментарии и послесловие Е.А. Гуревич. 372

РЕЦЕНЗИИ

О НОВОМ ИЗДАНИИ СМОЛЕНСКО-РИЖСКИХ АКТОВ 385
П.В. Петрухин

Рецензия на книгу: *А. Иванов, А. Кузнецов*. Смоленско-рижские акты: XIII в. – первая половина XIV в.: Документы комплекса Moscowitica – Ruthenica об отношениях Смоленска и Риги. – Рига: Латвийский государственный исторический архив; Латвийское общество архивистов; Институт исследования Латгалии Даугавпилсского университета, 2009. 768 с., илл. (Исторические Источники, вып. 6) = A. Ivanovs, A. Kuzņecovs. Smoļenskas–Rīgas aktis: 13. gs.–14. gs. pirmā puse: Kompleksa Moscowitica –Ruthenica dokumenti par Smoļenskas un Rīgas attiecībām. – Rīga : Latvijas Valsts vēstures arhīvs; Latvijas Arīvistu biedrība; Daugavpils Universitātes Latgales pētniecības institūts, 2009. 768. lpp., il. (Vēstures Avoti, 6. sēj.)

Б.А. Успенский

ИЗ ИСТОРИИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ

ЗАПРЕТ НА ПОВТОРЕНИЕ ИМЕНИ ОТЦА ПРИ НАИМЕНОВАНИИ РЕБЕНКА

1. У евреев бытует устойчивая традиция, запрещающая давать родившемуся ребенку имя отца или старшего родственника, если они живы. Напротив, принято давать имя отца в том случае, если он умер до рождения ребенка.

Это особенно заметно в Восточной Европе, где людей называют по имени и отчеству. Если у русских случаи, когда имя повторяет отчество (например, *Иван Иванович* и т. п.), достаточно обычны, то в еврейской среде такие наименования встречаются редко и несут определенную информацию: как правило, они говорят о том, что ребенок родился после смерти отца. Так, например, Игнатий Игнатьевич Бернштейн (1900–1978), издатель и писатель (писавший под псевдонимом Александр Ивич), младший брат Сергея Игнатьевича Бернштейна, известного филолога, был назван так потому, что отец его (инженер Игнатий Абрамович Бернштейн) погиб в Китае во время боксерского восстания, когда ребенок находился во чреве матери. Вот как рассказывает об этом дочь И.И. Бернштейна: «В Хабаровске Полина Самойловна [вдова И. А. Бернштейна] похоронила мужа и родила сына. Его нарекли также Игнатием, что еврейскими обычаями допускается лишь в том случае, если сын родился после смерти своего отца: у евреев новорожденным дают имена не “в честь”, а “в память”»[1]. Примеры такого рода могут быть умножены.

2. Вопреки распространенному мнению, обычай этот не является исконным еврейским. Более того: у евреев в свое время существовал прямо противоположный обычай — давать ребенку (первенцу) имя родителей.

Ценное свидетельство на этот счет содержит такой известный текст, как Евангелие от Луки, где рассказывается о рождении св. Иоанна Предтечи, сына священника Захарии и Елисаветы: «В восьмой день пришли обрезать младенца и хотели назвать его, по имени отца его, Захариею. На это мать

[1] Богатырева, 2009, с. 272.

его сказала: нет; а назвать его Иоанном. И сказали ей: никого нет в родстве твоем, кто назывался бы сим именем. И спрашивали знаками у отца его, как бы он хотел назвать его. Он потребовал дощечку и написал: Иоанн имя ему. И все удивились» (Лк. I, 59–63)[2].

Здесь ясно сказано, что у евреев было принято давать младенцу — очевидно, первенцу мужского пола — имя отца (который был жив); кроме того, не полагалось давать ребенку новое имя, которого не было в роду.

Необходимо добавить, что упомянутого выше запрета (называть по имени живого отца или родственника) нет у евреев-сефардов: он отмечается исключительно у ашкенази. Напротив, у сефардов принято давать новорожденному имя живущего родственника (прежде всего, отца)[3]. Надо полагать, что сефарды сохраняют при этом более древнюю традицию.

3. Есть все основания считать, что ашкенази заимствовали интересующую нас традицию у германцев. Действительно, у германских народов как обычай давать имя новорожденному в честь умершего отца, так и запрет давать имя отца живого, прослеживается очень отчетливо[4]. В основе этого обычая (и соответствующего запрета) лежит вера в переселение душ: считалось, что умерший возрождался в новорожденном ребенке, что и отражалось в его имени[5].

Эта традиция особенно долго сохраняется у скандинавов, в том числе и у русских князей скандинавского происхождения (Рюриковичей)[6]. У скандинавов и русских имена сочетаются с отчеством[7], и поэтому она (эта традиция) проявляется здесь особенно наглядно: до определенного времени ребенок, появившийся на свет после смерти отца, непременно получал его имя, и это проявляется в совпадении имени и отчества. Так, например, норвежский король Хакон Хаконарсон (1203/1204–1263) или шведский король Эйрик Эйрикссон (1216 –1250) были названы по имени своего отца именно

[2] Перед этим сообщается, как Захарии явился архангел Гавриил и возвестил о предстоящем рождении ребенка, а также о том, что он должен быть назван Иоанном, после чего Захария потерял дар речи (Лк. I, 11–22).

[3] Этот обычай, как считается, призван обеспечить долголетие человека, имя которого получил новорожденный.

[4] См.: Storm, 1893; Mitterauer, 1988; Ф. Успенский, 2001, с. 72 и 116 (примеч. 102); Литвина и Ф. Успенский, 2006, с. 310–313 (на с. 310, примеч. 125, указана дальнейшая литература вопроса). — Предполагается, что первые следы наречения в честь умерших могут быть найдены в V-VI вв. у германских племен, пришедших в Галлию.

[5] Storm, 1893.

[6] См.: Литвина и Ф. Успенский, 2006, с. 12, 267–322. Вообще Скандинавия — наиболее изолированный анклав территории, заселенной германцами: это та часть территории, где германцы в меньшей степени контактировали с другими народами и перенимали их обычаи.

[7] Сам обычай называния по имени и отчеству у русских — скандинавского происхождения. См.: Ф. Успенский, 2002, с. 65–110.

потому, что родились после его смерти[8]. То же, по-видимому, может быть сказано о князе Мстиславе Мстиславиче Удатном (1180–1228), сыне Мстислава Храброго[9]. В исторической трилогии Сигрид Унсет [Sigrid Undset] «Кристин, дочь Лавранса», где действие происходит в Норвегии XIV в., героиня, желающая порвать с мужем и продемонстрировать, что между ними не может быть никаких отношений, дает ребенку имя мужа («Крест», ч. II, гл. 6)[10]. Автор романа, дочь известного норвежского археолога (Ингвалла Унсета [Ingvald Martin Undset]), была знатоком быта средневековой Норвегии, и ее описание в принципе может считаться достаточно надежным.

Уже в Средние века интересующая нас традиция начинает исчезать у германцев. Возможно, это определялось влиянием церкви, которая, скорее всего, усматривала в ней — не без основания — реликты язычества. Можно предположить, что этот процесс начинается в королевских семьях, которые должны были быть более подвержены влиянию церкви; это предположение, однако, трудно проверить, поскольку у нас больше всего материала именно по королевскому имянаречению. Разрушение рассматриваемого принципа наименования начинается, по-видимому, у франков, а именно, у Каролингов, которые начинают давать детям собственное имя. Так, Пипин Короткий (714 –768) называет Пипином своего младшего сына (в 759 г.), а Карл Великий (742–814), сын Пипина Короткого, дает своему старшему сыну от брака с Хильгегардой — первому сыну, родившемуся во время его правления, и, видимо, первому законному его сыну — имя Карл (в 772 г.)[11]. В свою

[8] Storm, 1893, с. 214; Литвина и Ф. Успенский, 2006, с. 311.

[9] Литвина и Ф. Успенский, 2006, с. 300.

[10] Унсет, II, с. 337.

[11] Старший сын Карла Великого, Пипин Горбатый (ок. 769–811), матерью которого была Хильмитруда, не был легитимным. Карл, сын Карла (772–811), был коронован и помазан как король франков в Риме на Рождество 25 декабря 800 г., вместе со своим отцом, который был коронован (но не помазан) как император (см.: Б. Успенский, 2000, с. 18). Имя Карл становится таким образом королевским именем; не случайно славяне усваивают это слово в значении ‘король’.

Не исключено, что наличие двух Карлов могло способствовать наименованию старшего из них «Великим» (Magnus). Карла Великого начали называть так задолго до его императорской коронации 800 г. — можно предположить, что это случилось после рождения Карла Юного. Впоследствии — как кажется, в связи с императорской коронацией — это наименование, по-видимому, было переосмыслено как панегирическое. Во время этой коронации римский народ в соборе св. Петра провозглашает Карла «Августом» и «Великим»: «Karolo piissimo Augusto a Deo coronato magno et pacifico imperatore [sic!] vita et victoria!» (Duchesne, II, с. 7, § 23), и в дальнейшем данное наименование входит в его титул. Необходимо иметь в виду, что итальянцы называли таким образом византийского императора (μέγας βασιλεύς), противопоставляя его при этом императорам-соправителям (μικροὶ βασιλεῖς) (см.: Kienast, 1967, с. 12–14; автор приводит большой материал, когда «Magnus» означает ‘старший’, а не ‘великий’, но не решается интерпретировать таким образом наименование Карла Великого; о соотнесенности значений ‘великий’ и ‘старший’ при титуловании см. также: Ф. Успенский, 2001, с. 78). Точно так же, по-видимому, объясняется и наименование «Великим» (Magnus)

очередь, Людовик Благочестивый (778–840), сын Карла Великого, дает свое имя — Людовик — одному из своих сыновей (в 805 г.). Следует отметить, что остальные дети Пипина Короткого, Карла Великого и Людовика Благочестивого были названы в честь скончавшихся родичей — в соответствии с традицией. Только что названнные случаи, таким образом, знаменуют начало постепенного разрушения данной традиции у германцев.

У скандинавов разрушение рассматриваемой традиции имянаречения начинается значительно позже — в XII–XIII вв.: раньше всего нарушение древнего запрета давать имена живых родичей происходит в Дании, затем в Норвегии, а позднее и в Швеции.

В настоящее время у народов германского происхождения традиция эта более не соблюдается, однако она соблюдается у евреев (ашкенази). Евреи тем самым предстают как единственные продолжатели германской традиции. В виду всего сказанного заимствование данной традиции в еврейской среде можно с уверенностью отнести к эпохе Раннего Средневековья.

4. Представления о переселении душ известны и у славян[12], однако здесь не прослеживается сколько-нибудь очевидной связи с имянаречением.

В то же время у славян наблюдается обычай имянаречения, по видимости прямо противоположный тому, который имел место у германских народов (и сохранился в еврейской традиции): когда в семье умирают дети, для того чтобы выжил родившийся ребенок, ему дают имя отца или матери[13]. Этот обычай зафиксирован у южных славян, а также у словаков;

императора Оттона I (912–973): он назывался «Великим», поскольку его сын, будущий император Оттон II (955–983), получил то же имя, что его отец (так же затем будет назван и сын Оттона II — Оттон III, 980–1002); позднее, так же как и в случае с Карлом Великим, этот эпитет был переосмыслен (см.: Kienast, 1967, с. 1). Нечто похожее наблюдается и в польской династии Пястов, хотя здесь это не всегда связано с одноименностью отца и сына. Так, Мешко III, князь Великопольский (1126/27–1202), именуется «Miesco dux Maximus» в отличие от своего племянника, который называется «Mesco iuvenis»; сын Мешко III именуется «Vlodizlavus, magnus dux Poloniae» (или: «Wlodislaus dux Magnus Poloniae», «Wlodislaus maior dux Poloniae»), тогда как его племянник носит название «Vlodeslaus iunior dux Poloniae»; равным образом Генрих I Бородатый (1165/70–1238) именуется «Великим» (Magnus) в отличие от своего сына (Генриха II, ок. 1196 – 124), который получил то же имя, что отец и назывался, соответственно, «Henricus dux iunior» (см.: Matuszewski, 1986, с. 4–5). В принципе таким образом могло бы объясняться и наименование «Великим» Ивана III (1440–1505): можно было бы предположить, что он стал так называться в отличие от своего сына, Ивана Ивановича Молодого (1458–1490), который в 1471 г. стал соправителем отца (что отвечает византийскому принципу различения правящего императора и императора-соправителя, о котором мы упоминали выше); однако, мы не располагаем данными, свидетельствующими о том, что Иван III получил такое прозвище при жизни.

[12] См.: Б. Успенский, 2006.

[13] В то же время у сербов Восточной Герцеговины и Косова ребенку мужского пола, рожденному после смерти отца, дают имя отца (подобно тому, как это имело место у германцев и принято у евреев). См.: Филиповић, 1967, с. 258; Толстой и Толстая, 1998, с. 94; Толстая, 1999, с. 409.

Н.И. и С.М. Толстые считают его древним и общеславянским: по их мнению, «наречение новорожденных именами родителей [...], по-видимому, изначально практиковалось в специальных магических целях: чтобы остановить смерть детей в семье»[14]. Так же поступают иногда (в Сербии и Боснии) и для того, «чтобы прекратить рождение девочек и родить в следующий раз мальчика или наоборот»[15].

При всех различиях славянские и германские обычаи имянаречения обнаруживают очевидное сходство: в обоих случаях – в нормальной ситуации – нельзя давать имя живого отца. По-видимому, в свое время предполагалось, что если дать имя отца при его жизни, дух его после смерти не сможет перевоплотиться в его потомка. Это означает прекращение рода, отказ от родовой генеалогии, и только в экстремальных ситуациях на это приходится пойти[16].

Показательно в этом плане, что в русском фольклоре повторение имени и отчества наблюдается у чужеродных, в частности мифологических персонажей – таких, например, как *Ворон Воронович*, *Орел Орлович*, *Сокол Соколович*, *Гром Громович*, *Ветр Ветрович, Вихорь Вихоревич*, *Змей Змеевич*, *Идол Идолович*, *Волот Волотович*, *Ерш Ершович*, *Воспа Восповна*, *Икота Икотишна* и т. п.[17] Аналогично могут именоваться и чужестранцы, например, король Золотой Орды *Етмануил Етмануилович* в былине «О женитьбе князя Владимира» из сборника Кирши Данилова[18] или «загорский» царь *Афромей Афромеевич* в былине «Иван Годенович» из того же сборника[19]; ср. также *Иван Иванович* как прозвание немцев или же калмыков[20], а впоследствии – интеллигентов в сталинских лагерях[21]; наконец, так же – по той же модели – называются незаконнорожденные и найденные дети[22]. Все эти персонажи не имеют родовой истории (с точки зрения данного социума), это существа без роду, без племени, неизвестно откуда взявшиеся[23]. Вместе с тем, подобным образом может, как кажется, именоваться и мифологиче-

[14] Толстой и Толстая, 1998, с. 94, ср. с. 97; см. также: Толстая, 1999, с. 409–410. Ср., среди прочих, свидетельство из западной Боснии: «Често отац и син – код православних – носе исто име. То је код оних којима су умирала деца» (Филиповић, 1967, с. 324).

[15] Толстой и Толстая, 1998, с. 94.

[16] При всем том у славян не существует, по-видимому, каких-либо запретов на называние именем другого живущего родственника, которые можно было бы связать с верой в переселение душ.

[17] См.: Пеньковский, 1976/2004, с. 330; Пеньковский, 1986/2004, с. 374–377.

[18] Кирша Данилов, 1977, с. 55–56. Ср. *Этмануил Этмануилович* в былине «Добрыня чудь покорил» (там же, с. 109).

[19] Там же, с. 78, 80–82

[20] Даль, II, стлб. 3; Пеньковский, 1976/2004, с. 325–326.

[21] См.: Шаламов, 2004, с. 168–169 и с. 259, примеч. 38 («Тридцать восьмой»); Шаламов, 1989, с. 152 («Июнь»).

[22] Пеньковский, 1976/2004, с. 342–343.

[23] См.: Пеньковский, 1986/2004, с. 374–377.

ский родоначальник — такой, например, как царь *Володаман Володоманович* в стихе о «Голубиной книге»[24].

Сказанному противоречит широкое распространение в настоящее время таких наименований, как *Иван Иванович*, *Петр Петрович*, *Павел Павлович* (в разговорной речи: *Пал Палыч*), *Александр Александрович* (в разговорной речи: *Сан Саныч*), *Сергей Сергеевич*, *Владимир Владимирович* и т. п. Традиция наименования такого рода начинается, по-видимому, в княжеских династиях, причем касается исключительно христианских имен. Так, второй сын Ивана Калиты был назван Иваном (великий князь Иван Иванович Красный, 1326–1359) и в свою очередь он дал имя Иван своему второму сыну (Иван Иванович Малый, 1354–1364); позднее Иван III и затем Иван IV дают свое («отнее») имя старшему сыну (великий князь Иван Иванович Молодой, 1458–1490; царевич Иван Иванович, 1554–1581); Иваном Ивановичем был и последний великий князь рязанский (1496 – ок. 1534)[25].

Ранее – по крайней мере в послемонгольский период – отец и сын могли иметь одно имя только при условии, что они имели разных патрональных святых[26]; тем самым на онтологическом уровне повторение имени не имело место. Вместе с тем, ситуация с наименованием детей в семье была в этот период прямо противоположной: братья и сестры могли называться одним именем, имея одного и того же святого патрона[27]. Таким образом, не одноименность как таковая, но возможность повторения имени отца оказывалась проблемой, которая нуждалась в специальном решении, предполагая особое условие наречения.

---

[24] Григорьев, I, с. 275 (N° 52/88).

[25] Говоря о рождении князя Василия Васильевича (Темного) в 1415 г., летописец специально объясняет, каким образом ему было дано такое имя: перед его рождением духовнику великого князя Василия Дмитриевича было видение: «пришед некоторои, рече: “Иди к великому князю и нарци сыну его имя Василеи” (ПСРЛ, VI/2, 2001, с. 40; ср.: ПСРЛ, VIII, 1859, с. 87). Этот рассказ напоминает цитированный выше пассаж из Евангелия от Луки о рождении Иоанна Крестителя (Лк. I, 12–13): в обоих случаях возвещается о рождении ребенка и предписывается нестандартное имянаречение.

[26] См.: Литвина и Ф. Успенский, 2006, с. 217–231; речь идет о христианских, т. е. календарных именах. Относительно домонгольского периода ситуация представляется менее ясной. Предполагается, что в этот период патрональные святые у отца и сына могли совпадать при условии, что у них были разные некалендарные имена; так, князь Всеволод-Дмитрий Большое Гнездо (1176–1212) и его сын Владимир-Дмитрий (1192–1227) имели одного патронального святого — Димитрия Солунского (там же, с. 268, примеч. 1, ср. с. 142, 427–429; ПСРЛ, II, 1908, стлб. 657 и 674–675). В обоих случаях не допускается совпадение имен у отца и сына при наличии одного и того же святого патрона, но в домонгольский период это касается некалендарных имен, в период послемонгольский — календарных. Сказанное о некалендарных именах не относится, однако, к тем случаям, когда сын родился после смерти отца.

Эти выводы основываются на материале княжеских имен (единственном материале, который имеется в нашем распоряжении), но можно предположить, что практика имянаречения распространялась и на другие сословия.

[27] Литвина и Ф. Успенский, 2006, с. 12, 232–237. См. о крестьянском обычае давать детям одно имя: Герасимов, 1910, с. 67.

Впоследствии это условие (наличие разных патрональных святых при совпадении имен у отца и сына) исчезает, что способствует распространению соответствующей антропонимической модели – главным образом в городской среде. Тем не менее память об особом статусе наименований такого рода в какой-то мере может сохраняться в культурном сознании; прежде всего это относится к нехристианским именам, но отчасти, как мы видели, распространяется и на имена христианского месяцеслова.

* * *

Итак, обычаи имянаречения у германцев, славян и евреев (ашкенази) обнаруживают определенное сходство. Вместе с тем, сходство это имеет в разных случаях разное объяснение: если сходные обычаи имянаречения у германцев и славян может объясняться их общим происхождением, то аналогичные обычаи у евреев объясняются принципиально иначе: в данном случае речь идет о заимствованной, а не унаследованной традиции.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Богатырева, 2009 — *Софья Богатырева.* Хранитель культуры, или До, во время и после “Картонного домика”: К 110-й годовщине со дня рождения Александра Ивича (Игнатия Игнатьевича Бернштейна, 1900–1978). — «Континент», 2009, N° 142 (с. 267–324).

Герасимов, 1910 — *М.К. Герасимов.* Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910 (= «Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. LXXXVII, N° 3).

Григорьев, I–III — Архангельские былины и исторические песни, собрнные *А. Д. Григорьевым* в 1899–1901 гг., т. I–III. М. – Прага – СПб., 1904–1939 (т. I. М., 1904; т. II. Прага, 1939; т. III. СПб., 1910).

Даль, I–IV — *Владимир Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд., испр. и доп. под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, т. I–IV. М., 1903–1909. Репринт: М., 1994.

Кирша Данилов, 1977 — Древние российские стихотворения, собранные *Киршею Даниловым.* 2-е доп. изд. подготовили А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М., 1977.

Литвина и Ф. Успенский, 2006 — *А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.

Пеньковский, 1976/2004 — *А.Б. Пеньковский.* Русские личные именования, построенные по модели «имя + отчество». — В изд.: *А.Б. Пеньковский.* Очерки по русской семантике. М., 2002 (с. 311–365).

Пеньковский, 1986/2004 — *А.Б. Пеньковский.* Русские персонифицирующие именования как региональное явление языка восточнославянского фольклора. — В изд.: *А.Б. Пеньковский.* Очерки по русской семантике. М., 2002 (с. 370–394).

ПСРЛ, I–XLIII — Полное собрание русских летописей, т. I–XLIII. СПб. (Пг./Л.) – М., 1841–2004.

Толстая, 1999 — *С.М. Толстая.* Имя. — В изд.: «Славянские древности: Этнолингвистический словарь». Под общей ред. Н.И.Толстого, т. II. М., 1999 (с. 408–413).

Толстой и Толстая, 1998 — *Н.И. Толстой, С.М. Толстая.* Имя в контексте народной культуры. — В изд.: «Проблемы славянского языкознания». М., 1998 (с. 88–125).

Унсет, I–II — *Сигрид Унсет.* Кристин, дочь Лавранса, т. I–II. М., 1994.

Б. Успенский, 2000 – *Б.А. Успенский.* Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.

Б. Успенский, 2006 – *Б.А. Успенский.* Метампсихоз у восточных славян. – "Harvard Ukranian Studies", vol. XXVIII, 2006 (p. 639–650).

Ф. Успенский, 2001 – *Ф.Б. Успенский.* Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001.

Ф. Успенский, 2002 – *Ф.Б. Успенский.* Скандинавы – Варяги – Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.

Филиповић, 1967 – *М. Филиповић.* Различита етнолошка грађ. Београд, 1967 (= «Српски етнографски зборник», књ. 80).

Шаламов, 1989 – *Варлам Шаламов.* Левый берег. М., 1989.

Шаламов, 2004 – *Варлам Шаламов.* Новая книга (Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела). М., 2004.

Duchesne, I-III – Le liber pontificalis. Texte, introduction et commentaire par *L. Duchesne*, t. I–III. Roma – Paris, 1886-1957 [t. I–II. Roma, 1886–1892 (репринт: Paris, 1955-1957); t. III. Paris, 1957].

Kienast, 1967 – *Walther Kienast.* Magnus = Der Ältere. – "Historische Zeitschrift", Bd CCV, 1967, Hft 1 (S. 1–14).

Matuszewski, 1986 – *Józef Matuszewski.* "Magnus" in der Eigenschaft als Epitheton der Herrscher. – "Bulletin de la Societé des sciences et des Lettres de Łódź", vol. XXXVI [на титульном листе неправильно обозначено: XXXIII], 1986, N° 16 (S. 1–11).

Mitterauer, 1988 – *Michael Mitterauer.* Zur Nachbenennung nach Lebenden und Töten in Fürstenhäusern des Frühmittelalters. – In: "Gesellschaftsgeschichte: Festschrift für Karl Bosl zum 80. Geburtstag". Hrsg. im Auftrag des Collegium Carolinum von Ferdinand Seibt, Bd I. München – Oldenburg, 1988 (S. 386–399).

Storm, 1893 – *Gustaf Storm.* Vore Forfædres Tro paa Sjælevandring og deres Opkaldelsessystem. – «Arkiv för nordisk filologi», 1893, Hft 9 (s. 199–222). Рус. перевод (Е.Г. Барилович): *Густав Сторм.* Вера в переселение душ и система имянаречения у наших предков. – В изд.: «Именослов: Историческая семантика имени», вып. 2. Сост. Ф.Б. Успенский. М., 2007 (с. 428–445).